

Хозяйственно-бытовая топонимика коренных народов Дальнего Востока

Олег Юрьевич Тарасов,

кандидат исторических наук, доцент Хабаровского
института инфокоммуникаций (филиал ФГБОУ ВО
«Сибирский государственный университет теле-
коммуникаций и информатики»), Хабаровск.

E-mail: oltar-1972@mail.ru

Статья посвящена проблеме классификации географических названий, а именно систематизации основных подходов, существующих в топонимических исследованиях. Главное внимание уделено анализу топонимики коренных народов российского Дальнего Востока. Актуальность работы обусловлена тем, что топоним — это зачастую единственная лингвистическая информация о малочисленном (или исчезающем) этносе и его культуре, ведь многие из языков указанных народов являются вымирающими или мёртвыми. В целом на территории Дальнего Востока Российской Федерации проживает более 20 коренных национальностей, многие из которых в силу ряда объективных и субъективных причин, характерных для конца XX — начала XXI в., изменяют методы хозяйствования, ассимилируются, перенимают способы экономического выживания в современных условиях. При изучении топонимического пространства региона использовались принципы «уровневой методологии». Проанализированы четыре основных направления в классификации хозяйственно-бытовых географических названий, приведены наиболее наглядные примеры (демонстрирующие необходимость дополнительной классификации) из различных языковых групп и культур этносов Дальнего Востока (чукотской, эвенкийской, эскимосской, якутской и т.д.). Приводятся возможные варианты смыслового (лексического и исторического) объяснения названий с учётом имеющейся этнической информации. Выявляются особенности географических названий, связанных с хозяйственной топонимикой, в которой тоже можно выделять подгруппы значений имён по критериям: пищевые (биоресурсы), материальные (георесурсы), вспомогательные хозяйственные (биоресурсы хозяйственно-го типа: древесина, мох), дополнительные хозяйственные (места торговли, обмена, переговоров и т.д.). Это подтверждает необходимость дальнейшего изучения топонимики районов позднего заселения.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, коренные народы, топонимическое пространство, хозяйственно-бытовая топонимика.

Household Toponymy of the Indigenous Peoples of the Far East.

Oleg Tarasov, Khabarovsk Institute of Infocommunications (branch of FSBEI HE “Siberian State University of Telecommunications and Informatics”), Khabarovsk, Russia. E-mail: oltar-1972@mail.ru.

The paper is devoted to the problem of classification of geographical names, systematization of the main approaches existing in toponymic research. The main attention is paid to the analysis of toponymy of the indigenous peoples of the Russian Far East. The relevance of the research is determined by the fact that a toponym is often the only linguistic information about an ethnic group and its culture, given that many languages become extinct or dead. In general, more than twenty indigenous nationalities live in the Far East of the Russian Federation, many of which, due to a number of objective and subjective reasons, change their ways of managing, assimilate and adopt methods of economic survival in modern conditions, which are typical for the late twentieth and the early twenty-first centuries. When studying the toponymic space of the region, the principles of “level methodology” were used, four main directions in the classification of household geographical names were analyzed, and optimal examples from various language groups and cultures of ethnic groups of the Far East (Chukotka, Evenk, Eskimo, Yakut, etc.) were given. The paper presents possible semantic (lexical and historical) interpretations of names based on available ethnic information. The paper identifies the features of geographical names in the framework of economic toponymy, in which it is also possible to allocate subgroups of name values by criteria: food (bioresources), material (geo-resources), auxiliary economic (bioresources of agricultural type: wood, moss), additional economic (places of trade, exchange, negotiations, etc.). This confirms the need for further study of the toponymy of areas of late settlement.

Keywords: Russian Far East, indigenous peoples, toponymic space, household toponymics.

Дальний Восток России — обширная территория, историческое прошлое которой весьма сложно. Топонимы региона, принадлежащие к различным языкам и эпохам, — уникальное явление в истории освоения человеком не только восточной части России, но и геопространства планеты в целом. Во-первых, Дальневосточный регион — территория позднего заселения; во-вторых, ряд языков его этносов являются вымирающими или даже уже мёртвыми (юкагирский, ороцкий, негидальский и т.д.) и топонимика наряду с сохранившимися словарями — это зачастую единственный лингвистический источник сведений о малочисленном (или исчезающем) народе и его культуре; в-третьих, данный регион — огромная, стратиграфически сложная субстратная зона топонимов (по авторскому примечанию).

Топонимическими исследованиями Дальнего Востока занимались многие учёные, наиболее выдающимися работами являются монографии и словари таких специалистов, как А.А. Бурыкин, В.В. Леонтьев, К.А. Новикова, В.А. Кейметинов, А.В. Мельников, Э.М. Мурзаев, Г.С. Щур, П.В. Бабкин, Б.М. Голубь, О.А. Иконникова, Ф.К. Комаров, Г.Н. Курилов, В.П. Кусков, П.Ю. Афанасьев, Н.Г. Коробушкин, М.Н. Мельхеев, Г.А. Меновщиков,

Е.В. Сутурин, Б. Сюльбэ. Часть исследователей — этнографы, другие — лингвисты, третьи — географы и краеведы-любители.

С одной стороны, всем понятно, что топонимия (особенно гидронимия) зачастую является единственным источником информации об исчезнувших и исчезающих языках и народах [6, с. 36], с другой — на государственном уровне принимается недостаточно усилий по созданию общего «топонимического портрета» страны или региона для использования его в научных и экономических целях.

Первичный сбор, описание и анализ топонимической информации, проведённые вышеперечисленными и другими учёными, являются ключевыми в данных исследованиях. Несмотря на то, что в наши дни уже имеются некоторые методики и методологические указания по исследованию дальневосточной топонимики [3], есть насущная проблема её классификации и определения подходов к изучению данного объекта. В начале века предлагался «уровневый подход», или «уровневый метод», решения этого вопроса [9, с. 10—15]. Его суть заключалась в следующем: на первом уровне выявлялось отражение в названии ситуационного положения географического объекта, на втором — его ресурсная ценность или то, являлся ли он местом решения каких-либо хозяйственных (экономических) задач, на третьем — «топонимическое закрепление» местности (географического объекта) за каким-либо сообществом или человеком, на четвёртом — закрепление за объектом религиозных, обрядовых и мистических признаков, на пятом — его эстетическое осмысление.

Однако большинство специалистов пользуются чисто этнографическими (описательными) методами, не стремясь объединить усилия в достижении общей цели.

Анализ категорий пространства планеты имеет первостепенное значение при изучении истории заселения людьми тех или иных территорий, особенностей быта и хозяйственных предпочтений разных человеческих групп и коллективов. Французский учёный А. Леруа-Гуран одним из первых обратил к пространственным характеристикам элементов материальной культуры, таким как, скажем, значимость их протяжённости или объёмности, и к вопросам различий восприятия пространства в разных культурах, в частности, имеющих разные способы жизнеобеспечения [12, р. 58]. Он одним из первых писал о том, что для раннего охотника и собирателя мир линеен, значение имеет не поверхность земли, а маршрут перекочёвки — по тропе, вдоль речной долины, по берегу водоёма (океана, моря, озера). Однако при этом, к сожалению, исследователь полностью не учитывал специфику формирования этноса, географические условия его обитания и, как следствие, формирования хозяйственно-бытовых норм и правил, которые в значительной мере влияют и на модель питания, и на способы охоты, рыбной ловли, и на методы строительства жилищ, и проч.

Обобщая признаки культурного пространства, можно сказать, что это пространство, порождаемое совокупностью и взаимодействием ценностей культуры, географических границ и особенностей региона. Оно включает в себя четыре субстанции (элемента или компонента): пространство, время,

смысл и коммуникацию (или, по-другому, природу — историческое развитие — обозначение объекта — передачу информации).

Мы в рамках статьи обращаем внимание на *организацию и использование геопространства* (в частности, с позиции его обозначения и использования). Это не могли не заметить исследователи прошлых лет, и в рамках концепции организации геопространства возникает необходимость в создании категорий. В первую очередь, это категория пространственного места (settings) [13]. Следующим шагом в исследованиях по рассматриваемой тематике стало введение в систему исследования имянаречения географических объектов понятия культурных установок, которые формируются на протяжении длительного времени, связаны (опять же) с природной средой обитания, контактами между отдельными человеческими сообществами (группами людей), экзогенными факторами (наводнения, пожары, войны и проч.), техническим прогрессом и т.д.

Культурные установки формируют правила, но и изменение правил ведёт к изменению культурного смысла пространства [11, с. 44—51] и его языкового (лексического) определения. Чаще всего смена самого названия географического объекта или его смысла связана с внешним культурным воздействием (контактом) либо с событием внутри этнической (частично обособленной) группы людей.

В рамках создания «уровневой методологии» был определён второй уровень освоения геопространства — хозяйственно-бытовой, или хозяйственно-ориентирный, который находится между первым (ориентирным), т.е. название присваивается людьми не только чтобы иметь возможность идентифицировать географический объект, но и чтобы понимать своё географическое положение, и третьим — родовым (когда название присваивается с целью «закрепления» географической местности за тем или иным сообществом (племенем, родом, семьёй) для использования и владения каким-либо районом).

«Информационно-хозяйственные» (хозяйственно-бытовые, ориентирно-хозяйственные) топонимы свидетельствуют об интенсивном хозяйственном использовании территории. При их идентификации необходимо учитывать хозяйственные и бытовые предпочтения переселенческих сообществ и их экономические мотивации. Большинство западных историков не выделяет принципиальных отличий между народностями Дальнего Востока, однако с такой позицией нельзя согласиться, ведь даже в рамках одного дальневосточного этноса присутствуют значительные различия не только в экономической модели, но и в религии и даже в языке. В частности, культуры береговых и оленных коряков, береговых и оленных чукчей, оседлых и полуседлых якутов, таёжных (амгунских, хорских, торинских, урмиенских и уссурийских) и амурских нанайцев различаются моделями хозяйствования и питания; культуры камчатских и чукотских коряков, а также эвенкийских родов — моделями питания и религиозными обрядами. Не вдаваясь в подробности характеристики многочисленных дальневосточных этносов, отметим и очевидную разницу кочевых и полукочевых представителей одной и той же народности даже в рамках описания пространства, маршрутов и выбора территорий освоения. Например, кочевые эвены (так же, как и эвенки),

в отличие от полуоседлых «морских охотников» эвенов, строят маршруты по закольцованной схеме, возвращаясь к зимнему стойбищу в конце хозяйственного года, а «морские охотники» строят маршруты вдоль береговой линии с «ветками» вглубь материка для добычи дополнительных ресурсов. Оседлые якуты осваивают геопространство практически по-европейски — концентрическими кругами, полуоседлые — от центра радиальными лучами.

Теперь обратимся непосредственно к топонимике отдельных этносов российского Дальнего Востока и отражению в ней их хозяйственно-бытовой деятельности. Отличия формируют и образ мышления, как индивидуального, так и коллективного. В силу этого мы оцениваем хозяйственно-экономическую деятельность этноса не просто как сегмент/кластер, а как целую сферу или поле.

Поле представляет собой совокупность культурных элементов, связанных между собой (внутри- и вовне-) структурными отношениями [10, с. 55]. Данные элементы (в нашем случае это и модель питания, и материалы изготовления, и система гигиены и здоровья, и проч.) имеют семантическую общность и выполняют в языке единую функцию. Поле может объединять однородные и разнородные элементы. Внутри его структуры выделяются микрополя, а также — ядерные и периферийные (менее значимые) конститuentы.

Рассмотрим отражение различных аспектов хозяйственной жизнедеятельности народов Дальнего Востока России в их топонимике.

Самыми распространёнными являются топонимы, связанные с пищевыми биоресурсами для человека и животных. Например: *Анаян* — становище (эск. «ловушка на птиц») [4, с. 75—180]; *Сылгытар* — река, левый приток р. Берелёх, Сусуманский р-н (якут. *сылгы ытар* — «выгон для конного скота», «луг, где пасутся лошади») [2, с. 69—444]; *Чубукулаах* — ручей, левый приток р. Аян-Юрях, Сусуманский р-н (якут. *чубукулаах* — «баранья»); *Балыктах* — река, правый приток р. Большой Ярходон, бассейн р. Коркодон, Среднеканский р-н (якут. *балыктаах* — «рыбная»); *Бюченнях* — ручей, левый приток р. Колымы и дорожный пункт, Ягодн. р-н (якут. *бичаннаах* — «косуля») [2, с. 49—115]; *Ольдой* — река, левый приток р. Амур, Сковородинский р-н Амурской обл. (с эвенк. *олло* — «рыба», «рыбная») [7, с. 28] (аналогично: *Оллогно* — река, левый приток р. Амазар, Могочинский р-н Забайкальского края, и р. Ола, впадающая в Амахтонский залив Охотского моря, Магаданская обл.); *Нерюнгри* — река, приток р. Алдан, Республика Саха (эвенк. *нерунгрэ* — «хариусовая») [8, с. 86]; *Хурмули* — река и местность на севере Хабаровского края, Солнечный р-н (эвенк. *хурму* — «белка» + топоформант *-ли*, означающий используемое человеком место, дословно — «место белкования») [1, с. 101]; *Копи* — населённый пункт и река на юге Советско-Гаванского р-на, впадает в Татарский пролив Охотского моря (ороч. *копи* — «корюшка») и т.д. Иногда указания на биоресурсы для человека или животных, одомашненных людьми, могут быть неявными, например: *Нам-Совичан*, *Нам-Сибичан* («медведица») — правый приток р. Чапигуо в Уссурийском р-не Приморского края (назв. кит. — «Юго-Западные зелёные горы») [5, с. 24—113], т.е. указано наличие пастбищ для лошадей, на которых «китайские отходники», купцы и промышленники перевозили

товар, снаряжение и проч. Уточним, что пищевой биоресурс может носить и дополнительный фактор обменного характера — мех, кожа, кость и др., т.е. топонимы подобного рода имеют двойную ресурсную нагрузку.

Второй тип — это топонимы, обозначающие места, где человек вообще может обитать долгое время и пользоваться биоресурсами (таких не очень много, они в себя включают названия удобных причалов, мест хозяйственной и бытовой деятельности). Например: *Уралах* — ручей, правый приток р. Сылгыбастах, бассейн левобережья р. Берелёх, Сусуманский р-н (якут. *урасолаах* — «имеющий юрту») [2, с. 69—444]; *Ахтагвик* — местность и гора (эск. дословно — «место, где стреляют, бросают дальше», «ристалище») [4, с. 27—153; 2, с. 29—421]; *Анйавит* — группа плоских надводных камней в Беринговом проливе, Чукотский р-н (эск., науч. диал. *анйавик* — «место причала байдар»); *Анйангак* — участок берега в пос. Сиреники, Провид. р-н (эск., чапл. диал. *анйангак* — «байдарные сушила»); *Силъкугак* — уроч. (эск. *силъкугак* — «мясная яма»¹) [4, с. 75—180]; *Тында* — река и город на северо-западе Амурской области (эвенк. *тындэ* — «стреножить», т.е. «место, где стреноживают оленей для отдыха и кормёжки») [7, с. 106]; *Аграгытгын* — озеро в Чукотском автономном округе (чук. *аграгытгын* — «зимнее жильё») и т.д. Обратим особое внимание на тот факт, что если топоним означает место постоянной или сезонной жизнедеятельности человека, то название несёт информацию не только о среде обитания, но и о наличии биоресурса для человека, группы людей для получения необходимого в сложной ситуации, так как тяжёлые климатические условия обусловили важность взаимной помощи.

Третья группа — это топонимы, обозначающие добывание других ресурсов (не «биоресурсного» характера), необходимых для жизнедеятельности человека: дерева, камня, металла и проч. Например, *Кугвик* — гора (эск. *кугвик* — «дровяная», т.е. река, где много плавника или есть деревья для дров) [4, с. 75—180]; *Джугджур* — хребет на северо-востоке Амурской обл. и севере Хабаровского края (эвенк. *дягдя* — «сосна»); *Пынаквын* — населённый пункт, ЧАО (чук. *пынаквын* — «точильный камень»); *Вылкынэй* — гора, ЧАО (чук. *вылкынэй* — «угольная гора») [4, с. 47—201; 2, с. 49—411]; *Юктали* — ручей и населённый пункт на северо-западе Амурской обл. (эвенк. *юхтэ* — «тёплый», в данном месте есть горячий источник, имеющий целебные свойства) [7, с. 26]. Обратим внимание, что в подобных топонимах может содержаться указание на наличие не только минеральных и топливных ресурсов, но и определённых видов растений, что также является весьма важным для эффективного ведения хозяйства, поддержания здоровья и гигиены. В частности, в дальневосточной топонимике есть указания на мох, обладающий высокими абсорбирующими качествами (для гигиены женщин и маленьких детей), лечебные грязи, глины, снимающие желудочные боли, и проч.

Четвёртая группа — топонимы, означающие культурные и экономические контакты (торговля, обмен, встречи для решения общественных проблем). Например: *Ушумун* — посёлок городского типа, река и местность в центральной части Амурской обл. (эвенк. *усмун* — «громкий разговор, ругань»;

¹ Мясные ямы — места закладки моржового, китового мяса и рыбы для их хранения и специфической консервации и разложения при температуре, близкой к 0°C.

данное место — территория сбора эвенков для обсуждения общеплеменных дел) [7, с. 77]; *Макак (Макам)* — мыс, южная сторона массива м. Дежнёва, Чукот. р-н (эск., диал. *макац* — «женские трусы»; чукот. *макам*); в прошлом у этого мыса ранней весной происходили встречи науканцев с американскими китобоями, которые часто увозили с собой женщин и возвращали их поздней осенью) и т.д. Обширность территорий российского Дальнего Востока и низкая плотность населения обусловили крайне низкий уровень торгово-экономических и культурных взаимодействий. Некоторые гидронимы, такие как *Ягодокит* (эвенк., дословно *ягодокит* — «дорога к якутам»), просто указывают направление, где можно встретить другой этнос и обменяться с ним товаром (предметами быта, орудиями охоты и рыбной ловли, мехами, пряностями, солью и проч.). Так, в условиях частичной культурной обособленности, но при наличии торговых контактов якутов и эвенов с коряками и чукчами существовала так называемая немая морская обменная торговля [2, с. 124–144].

Обозначим некоторую специфику Дальневосточного региона России (особенно его северных территорий). Для него характерны нехватка биоресурсов, сезонная зависимость от них, несмотря на небольшую плотность населения при обширности пространств. Борьба за биоресурсы и территории иногда переходила в вооружённые конфликты. Топонимика отражает подобные «культурные контакты» в ивентальных (событийных) географических названиях. Например: *Чевтгытгым* — гора (чук. *чевтгытгым* — «головные кости», т.е. осколки человеческих черепов; это явное свидетельство военных столкновений) [4, с. 24–40; 2, с. 49–411].

Из всего вышеупомянутого следует, что этническая хозяйственно-бытовая топонимика занимает значительный сегмент всего спектра географических названий. Важной стороной топонимических исследований является изучение имеющихся аспектов хозяйствования, модели питания этноса, географических условий его обитания и биоресурсной базы. Представленный в данной работе материал направлен на активизацию топонимических исследований отдельных геоимён народов Дальнего Востока, особенно принадлежащих к исчезающим языкам, в рамках «уровневой методологии» ранее неизвестных смыслов и концептов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бородина Е.А. Имя на карте Хабаровского края. Комсомольск-на-Амуре: К-на-АГПУ, 2000. 112 с.
2. Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1989. 459 с.
3. Матвеев А.И. Методы топонимических исследований. Свердловск: УрГУ, 1986. 168 с.
4. Меновщиков Г.А. Местные названия на карте Чукотки: Краткий топонимический словарь. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1972. 207 с.
5. Соловьёв Ф.В. Китайские топонимы на территории советского Дальнего Востока. Словарь. Владивосток: ДВНЦ АН СССР ИИАЭ нДВ, 1975. 224 с.
6. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 182 с.

7. Сутурин Е.В. Топонимический словарь Амурской области. Благовещенск: Хабаровское книжное изд-во, 2000. 126 с.
8. Сюльбэ Б. Топонимика Якутии: Краткий научно-популярный очерк. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1985. 144 с.
9. Тарасов О.Ю. Топонимика Дальнего Востока: культурологический анализ (демонстрация подходов и методов). Хабаровск: KHOTOK, 2002. 54 с.
10. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 255 с.
11. Bach A. Deutsche Namenkunde. Hdlb.: Den wissenschaftlichen Verlag Millers, 1952. 56 s.
12. Leroi-Gourhan F. Milieu et Techniques. L'homme et la Matiere. Paris: La maison d'édition l'Université, 1945. 452 p.
13. Rapoport A. Spatial Organization and Artificial Environment in Companion // Encyclopedia of Anthropology / ed. by T. Ingold. London, New York: Routledge, 1998. P. 460—502.

REFERENCES

1. Borodina E.A. *Imya na karte Khabarovskogo kraya* [Name on the Map of the Khabarovsk Region]. Komsomol'sk-na-Amure, K-na-AGPU Publ., 2000, 112 p. (In Russ.)
2. Leont'ev V.V., Novikova K.A. *Toponimicheskii slovar' Severo-Vostoka SSSR* [Toponymic Dictionary of the North-East of the USSR]. Magadan, Magadanskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1989, 459 p. (In Russ.)
3. Matveev A.I. *Metody toponimicheskikh issledovaniy* [Methods of Toponymic Research]. Sverdlovsk, UrGU Publ., 1986, 168 p. (In Russ.)
4. Menovshchikov G.A. *Mestnye nazvaniya na karte Chukotki: Kratkiy toponimicheskii slovar'* [Local Names on the Map of Chukotka: Brief Toponymic Dictionary]. Magadan, Magadanskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1972, 207 p. (In Russ.)
5. Solov'ev F.V. *Kitayskie toponimy na territorii sovetskogo Dal'nego Vostoka. Slovar'* [Chinese Toponyms in the Soviet Far East. Vocabulary]. Vladivostok, DVNTs AN SSSR IIAE nDV Publ., 1975, 224 p. (In Russ.)
6. Superanskaya A.V. *Chto takoe toponimika?* [What Is Toponymy?]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 182 p. (In Russ.)
7. Suturin E.V. *Toponimicheskii slovar' Amurskoy oblasti* [Toponymic Dictionary of the Amur Region]. Blagoveshchensk, Khabarovskoe knizhnoe izd-vo Publ., 2000, 126 p. (In Russ.)
8. Syul'be B. *Toponimika Yakutii: Kratkiy nauchno-populyarnyy ocherk* [Toponymy of Yakutia: Brief Popular Science Essay]. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1985, 144 p. (In Russ.)
9. Tarasov O.Yu. *Toponimika Dal'nego Vostoka: kul'turologicheskii analiz (demonstratsiya podkhodov i metodov)* [Toponymy of the Far East: Cultural Analysis (Demonstration of Approaches and Methods)]. Khabarovsk, KNOTOK Publ., 2002, 54 p. (In Russ.)
10. Shchur G.S. *Teoriya polya v lingvistike* [Field Theory in Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 255 p. (In Russ.)
11. Bach A. *Deutsche Namenkunde*. Hdlb., Den wissenschaftlichen Verlag Millers Publ., 1952, 56 p. (In Germ.)
12. Leroi-Gourhan F. *Milieu et Techniques. L'homme et la Matiere*. Paris, La maison d'édition l'Université Publ., 1945, 452 p. (In Fr.)
13. Rapoport A. Spatial Organization and Artificial Environment in Companion. *Encyclopedia of Anthropology*. Ed. by T. Ingold. London, New York, Routledge Publ., 1998, pp. 460—502. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 02.04.2020